

А. В. Банников, А. А. Попов

Из истории армии Рима: боевые слоны

Римляне впервые увидели боевых слонов во время войны с Пирром (III в. до н. э.). В эпоху Пунических войн многие из этих животных были истреблены римлянами на полях сражений, и многие были захвачены. Римляне использовали этих гигантов во время противостояния с государствами Средиземноморья, а затем в период гражданских войн (II–I вв. до н. э.). В имперское время (I–III вв. н. э.) римские монархи видели в слонах лишь средство для увеселения на арене цирка и использовали их во время триумфов.

Ключевые слова: римляне, Пунические войны, гражданские войны, римская империя, боевые слоны

Andrej V. Bannikov, Artem A. Popov

From the history of the army of Rome: the war elephants

The Romans saw war elephants during the war against Pyrrhus (IIIrd century BC). In the epoch of Punic wars many of these animals were killed by the Romans and many of them were captured. The Romans used these giants during struggles with Mediterranean states, and then during Civil wars (II–I BC). In the age of Empire (I–III AD) the Roman monarchs used elephants only for fun in circus and for triumphal ceremonies.

Keywords: the Romans, the Punic wars, the Civil wars, the Roman Empire, war elephants

Впервые римляне столкнулись с боевыми слонами во время войны с эпирским царем Пирром. Эти животные произвели тогда огромное впечатление на римских солдат, которые приняли их за огромных быков¹. После победы над Пирром римский сенат даровал консулу Курию Дентату право отпраздновать триумф. Именно тогда по Риму прошли четыре слона, доставшихся римлянам в качестве трофея². Во время Первой Пунической войны в сражении под Панормом римляне захватили около 130 карфагенских слонов. Согласно утверждению Фронтини, Метелл, не имевший достаточного количества кораблей, чтобы перевести всех животных в Италию, соединил бочки, покрыл их дощатым настилом и на этом импровизированном пароме перевез через Сицилийский пролив³. Четвероногие гиганты стали украшением его триумфального шествия в 252–251 г. до н. э. Поскольку римляне не умели обращаться со слонами, то, не найдя им никакого применения, перебили животных на потеху толпе на цирковой арене⁴. Однако длительные войны с карфагенянами заставили римлян изменить свое отношение к слонам и продемонстрировали им, что эти животные могут принести большую пользу на полях сражений.

Сломив могущество Карфагена и установив дружеские отношения с нумидийским царем Масиниссой, римляне начинают использовать слонов в военных целях. Уже в 198 г. до н. э. Масинисса отправил 10 слонов в Грецию на помощь армии, которая вела войну против царя Македонии Филиппа V⁵. В 197 г. до н. э. в битве

при Киноскефалах командовавший тогда римскими войсками Тит Фламинин поставил слонов впереди правого крыла, которое отодвинул немало назад по сравнению с фронтом остальной армии⁶. Такое построение принесло римлянам победу: когда их левый фланг начал уже подаваться под натиском македонян, Тит ввел в бой слонов. Напуганные появлением гигантских животных македоняне сразу же обратились в бегство⁷. После окончания войны с Филиппом римляне подарили всех своих слонов состоявшему с ними в союзе пергамскому царю Атталу⁸.

В 191 г. до н. э. послы Масиниссы, прибывшие в Рим, пообещали предоставить 20 слонов консулу Манию Ацилию, которому предстояло вести войну с сирийским царем Антиохом III⁹. По всей видимости, нумидийцы выполнили свое обещание, поскольку в битве при Магнесии (190 г. до н. э.) в составе римской армии было 16 слонов. На этот раз эти животные не приняли участия в сражении и остались стоять в резерве в тылу у римской пехоты. Подобный факт объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, количество слонов у римлян было несоизмеримо с тем, которое мог противопоставить им неприятель, а, во-вторых, римские слоны были северо-африканской породы, значительно уступавшей в размерах индийским слонам сирийцев¹⁰. Одержав победу над Антиохом, римляне заключили Апамейский мирный договор, запрещавший Селевкидам впредь содержать у себя боевых слонов.

Согласно утверждению Полиэна, во время Третьей Македонской войны (171–168 гг. до н. э.)

у римлян кроме 22 африканских слонов¹¹, посланных им Масиниссой, было еще какое-то количество индийских слонов, полученных от сирийского царя Антиоха¹². Неясно, о каком Антиохе упоминает Полиэн, об Антиохе III или его сыне Антиохе IV Эпифане (175–164 гг. до н. э.), который считался другом и союзником римского народа. Таким образом, мы должны предположить, что либо слоны, захваченные в результате Сирийской войны, около 10 лет использовались римлянами в военных целях, либо что римляне сознательно закрывали глаза на нарушение условий Апамейского соглашения, чтобы получать слонов от сирийцев.

Македонскому царю Персею стало известно, что римляне собираются использовать против него этих животных. Зная, что наибольший страх четвероногие гиганты внушают лошадям, царь будто бы прибег к следующему средству, которое, по его замыслу, должно было приучить македонских коней к их виду и реву: он «приказал ремесленникам изготавливать деревянные фигуры, сходные видом и цветом с настоящими слонами. Но так как более всего страшен был для коней голос этих животных, Персей приказал в каждую деревянную фигуру помещать человека с трубой, который, направляя эту трубу через пасть фигуры, издавал резкий и пронзительный звук. Так македонские кони научились не обращать внимания на голос и вид слонов»¹³. Кроме того, по приказу царя были образованы отряды «слоноборцев» (**elephantomachae**), специально обученных борьбе с огромными животными¹⁴.

Война шла уже около трех лет, и никто из противников не мог достичь решающего успеха. Тогда римский главнокомандующий консул Марций Филипп решил пересечь горную цепь Олимпа и перенести военные действия непосредственно на территорию Македонии. Во время этого перехода, который, несомненно, был не менее труден, чем переход Ганнибала через Альпы, слоны сильно препятствовали движению армии. Вот как описывает Тит Ливий те испытания, которые выпали на долю римской армии: «Неизъяснимо труден был спуск: срывались животные, катилась вниз поклажа; и четыре мили еще не прошли, а только о том и мечтали, чтобы воротиться назад будь это возможно. Да и слоны вносили смятение не хуже неприятеля: дойдя до нехоженых мест, они сбросили погонщиков и подняли такой рев, что всех повергли в трепет, особенно лошадей. Наконец придумали, как их перевести. Несколько ниже по склону вбивали в землю на одном уровне два крепких столба, отставив один от другого чуть дальше, чем на ширину слона; на поперечную балку на-

кладывали доски по тридцати футов длиною, наподобие мостика, и присыпали землю. Еще ниже по склону на малом расстоянии устраивали такой же второй, затем третий мостик и так далее у каждого обрыва. С твердой земли слон ступал на мостик, но прежде, чем он доходил до края, столбы подрубали, и слон сползал до начала следующего мостика, какой – держась на ногах, какой – скатываясь на зад; когда под ним вновь оказывался ровный мостик, все начиналось сначала, пока не спустились в долину»¹⁵.

Решительное сражение между римской и македонской армиями состоялось на следующий год у г. Пидна (168 г.). Римлянами командовал консул Эмилий Павел. Он поставил своих слонов на левом фланге. Позади слонов располагались конные отряды союзников. Согласно свидетельству Ливия, именно слоны посеяли панику среди македонян и обратили их в бегство¹⁶. Позже, когда уже вся македонская армия была уничтожена и оставшиеся в живых пытались найти спасение в реке, римляне привели к ее берегу своих слонов, которые топтали и давили насмерть всех тех, кто выбирался из воды¹⁷.

В Нумантинскую войну римляне снова прибегли к помощи слонов, которых у них было сначала 10 голов¹⁸. Позднее Сципион Младший, еще простой трибун, прибыл к Масиниссе, чтобы вновь просить прислать в Испанию этих животных¹⁹. В Нумантинскую войну римляне впервые понесли поражение (152 г. до н. э.), виновниками которого во многом оказались слоны. Проконсул Фульвий Нобилиор приказал поставить их в арьергарде. «Когда начался рукопашный бой, – передает Аппиан, – то его солдаты расступились, и животные внезапно появились перед врагами. Кельтиберы и сами, и их кони, никогда прежде не видавшие слонов на войне, пришли в смятение и бежали в город. Нобилиор повел этих слонов к самым стенам и вел удачно бой до тех пор, пока один из слонов, пораженный большим камнем, упавшим ему на голову, не пришел в ярость и, страшно заревев, не повернулся на своих же и стал убивать всякого, попадавшего ему на пути, не разбирая врагов и друзей. Другие слоны, приведенные в беспокойство его ревом, все стали делать то же, что и он: топтать, рубить и подбрасывать сверху. Перепуганные слоны обыкновенно это и делают и всех считают своими врагами. Поэтому некоторые, чувствуя к ним из-за этого недоверие, называют их „общими врагами“. Тут началось нестройное бегство римлян. Увидав все это, нумантинцы быстро вышли из-за стен и, преследуя, убили тысячи четыре воинов и трех слонов и захватили много оружия и военные знамена»²⁰.

Тем не менее римляне продолжали исполь-

зовать слонов, которых получали от царя Мициспы, сына и наследника Масиниссы в войнах против испанцев. Дважды Мициспа отправлял этих страшных гигантов в Испанию на помощь римлянам: 12 слонов было послано Сципиону Эмилиану, воевавшему с нумантинцами, и 10 – проконсулу Фабию Сервилиану во время войны с лузитанами под предводительством Вириата (147–139 гг. до н. э.)²¹. Скоро четвероногие гиганты стали неотъемлемой частью римских вооруженных сил, действовавших на Иберийском полуострове. Подтверждением этому служит сообщение Валерия Максима, согласно которому проконсул Метелл, перед тем как уступить командование в Испании своему противнику Квинту Помпею, решил всевозможными средствами ослабить армию и среди прочего приказал оставить без корма слонов²².

Большую пользу оказали римлянам слоны во время Третьей Пунической войны. Гулусса, другой сын Масиниссы, привел на помощь Сципиону большое количество слонов²³. В это время основные военные силы карфагенян, находившиеся под командованием Гасдрубала, были сосредоточены в лагере под городом Неферис. Сципион, стоявший во главе римских войск, решил, прежде чем осаждать Карфаген, уничтожить карфагенскую армию в лагере под Неферисом. Чтобы отвлечь внимание противника, он послал на штурм Гулусу с его слонами, а сам с отборными воинами совершил нападение на карфагенян с тыла. Как только воины Сципиона неожиданно оказались внутри лагеря, карфагеняне в панике бросились бежать. Однако в это время нумидийские слоны взобрались на вал и, разметав частокол, ринулись на охваченную страхом толпу и произвели страшное избиение. Согласно свидетельству Аппиана, около 70 тысяч карфагенян было уничтожено, и лишь четырем тысячам удалось спастись²⁴.

Анней Флор и Орозий утверждают, что слоны были использованы римлянами в войнах против аллоброгов (около 121 г. до н. э.)²⁵. Современные исследователи полагают подобное маловероятным. Так, например, комментатор «Эпитом» Флора А. И. Немировский считает, что Флор путает переход Ганнибала через земли аллоброгов в 219 г. до н. э. с войнами, которые вели римляне²⁶. Впрочем, у нас есть вполне веские основания полагать, что сообщения античных авторов не противоречат действительности.

Аллоброги занимали территорию Нарбоннской Галлии. Официальным поводом для начала войны с ними послужили их нападения на владения эдуев, бывших тогда союзниками римского народа²⁷. Командование римскими войсками было возложено на проконсула Гнея Домиция

Агенобарба (121 г. до н. э.)²⁸. Согласно Орозию, эта война была очень трудной и завершилась кровопролитной битвой недалеко от крепости Виндалий. Победу в этом сражении римлянам удалось одержать, главным образом, благодаря тому, что у них были слоны, поскольку перепуганные невиданным обликом этих животных лошади врагов и сами враги обратились в бегство²⁹. В этом столкновении аллоброги потеряли 20 000 человек убитыми и 3000 – пленными. Поражение аллоброгов и укрепление позиций Рима в Южной Галлии тут же привело к новой войне с союзниками аллоброгов – арвернами, проживавшими на территории современной Оверни. Страбон утверждает, что арверны собрали 200-тысячную армию, которой командовал их вождь Битуит. Агенобарб нанес поражение галлам при слиянии рек Сульги и Родана³⁰. Победитель был весьма горд своими военными успехами. То, что немалая заслуга в этом принадлежала слонам, доказывает устроенная Агенобарбом пышная процессия, во время которой он ехал по провинции верхом на одном из этих животных³¹.

Однако война с арвернами потребовала от Рима дополнительных усилий. На борьбу с Битуитом был послан консул Квинт Фабий Максим. Согласно Орозию, в сражении у реки Родан галлы потерпели полное поражение, в результате которого из 180-тысячной армии уцелело не более 30 тысяч³². По Ливию, потери галлов составили 120 000³³. По мнению П. Д. Арманди, столь большие потери галлов можно объяснить участием в сражении слонов, которые посеяли панику в рядах варваров, после чего те обратились в бегство и частью утонули в реке, а частью погибли на берегу под ногами гигантских животных³⁴. Это вполне вероятно, поскольку и Флор связывает поражение Битуита с участием слонов³⁵.

Как кажется, это – последний пример использования римлянами боевых слонов в войнах с чужеземными народами. Впрочем, в «Стратегемах» Полиэна описывается еще один случай, когда римляне бросили против варваров, по крайней мере, одного слона. «Цезарь в Британии, – сообщает Полиэн, – пытался переправиться через большую реку. Царь британцев Кассивеллаун удерживал ее со многими всадниками и колесницами. Говорят, у Цезаря был крупнейший слон, животное, которое ранее британцы не видели. Защитив его железной чешуей, поставив на спине огромную башню и расположив лучников и пращников, он велел ввести его в реку. Британцы же были устрешены, видя ранее невиданного и удивительного зверя. Что же касается лошадей, то что следует

описать? Так же как и у эллинов, когда они видели даже невооруженного слона, лошади бежали. Слона же, несущего на себе башню и покрытого вооружением, с которого пускали стрелы и снаряды, не выдержали даже вида. Британцы же бежали со своими конями и колесницами, а римляне беспрепятственно перешли реку, испугав врагов одним животным»³⁶. Неясно, содержится ли в этом анекдоте хоть доля истины. Цезарь ничего не сообщает в своих «Записках о Галльской войне» об использовании им слонов. П. Д. Арманди склонен доверять Полиэну и полагает, что рассказ о слоне историк мог почерпнуть из дневников Цезаря, которые пережили автора и были использованы многими античными писателями, в частности Плутархом³⁷.

Можно привести три аргумента в пользу достоверности рассказа Полиэна. Во-первых, нам хорошо известно, что Цезарь намеревался использовать слонов во время похода против парфян³⁸. Имевшиеся в его распоряжении животные вместе с другими войсками были уже отправлены в Брундисий, однако смерть диктатора помешала осуществлению его грандиозных планов³⁹. Во-вторых, император Клавдий, готовивший вторжение в Британию, также намеревался использовать слонов в предстоящей кампании⁴⁰. Император мог подражать в этом Цезарю и одновременно получить боевое средство, эффективность которого в столкновении с британскими племенами была уже доказана⁴¹. Наконец, существует и нумизматическое подтверждение данного факта. Согласно утвердившемуся мнению, на денариях Цезаря на аверсе изображен слон, топчущий змею. По мнению П. Д. Арманди, подобное изображение появилось только после битвы при Тапсе как напоминание о великой победе, одержанной над гигантскими четвероногими⁴². Однако непонятно, что в таком случае должна символизировать змея под ногами слона. К тому же, согласно современным датировкам, денарии с подобным изображением стали выпускаться уже за несколько лет до битвы при Тапсе. Вполне возможно, что в данном случае под ногами слона изображена не змея, а **carnyx** – кельтская труба, имевшая змеевидную форму. Тогда представляется вполне очевидным, что это символическое изображение является отражением событий, описанных Полиэном⁴³.

После того, как произошел разрыв дружеских отношений с нумидийскими царями, боевые слоны вновь стали из союзников противниками римлян. Нумидийский царь Югурта обладал большим количеством гигантских четвероногих⁴⁴, которые стали основой его военных сил во время Югуртинской войны. Уже в

самом начале ее он, пытаясь выиграть время и заключить перемирие с Римом, выдал республике 30 боевых слонов⁴⁵. В битве при реке Мутул у Югурты было 44 слона, из которых 4 были захвачены римлянами живыми, а все остальные перебиты во время сражения⁴⁶. После ряда военных неудач Югурта был вынужден вновь вступить в переговоры с римлянами. В соответствии с заключенным договором нумидийский царь выдал победителям всех своих боевых слонов⁴⁷. Однако и после окончания Югуртинской войны правители Нумидии не переставали использовать боевых слонов.

Власть над страной была разделена между потомками Югурты Гиемпсалом и Иарбом. Во время вспыхнувшей в Риме гражданской войны между сулланцами и марианцами Иарб примкнул к партии последних. Известно, что он привел им на помощь свои войска, в том числе и слонов. Однако Помпей, посланный в Африку Суллой, разбил войска марианцев и захватил всех слонов Иарба⁴⁸. Тем не менее нумидийцы очень быстро восстановили свой военный потенциал: согласно сообщению автора «Африканской войны», царь Юба имел в своем распоряжении 120 голов этих животных⁴⁹.

Последний раз римляне использовали слонов в 40-х гг. I в. до н. э. Однако на этот раз гигантские четвероногие понадобились им не для достижения победы над варварами, а для борьбы с собственными согражданами. В период гражданских войн противники Цезаря укрепились в Африке, где их поддерживал Юба, который привел на помощь союзникам свои войска и слонов. В сражении при Узите Сципион, командовавший войсками помпеянцев, расположил нумидийских слонов на флангах, на одинаковом расстоянии друг от друга. За слонами в резерве были поставлены легковооруженные и нумидийцы⁵⁰. Однако до решительного столкновения дело не дошло, и все закончилось лишь небольшой кавалерийской стычкой, в которой помпеянцы одержали верх⁵¹. Генеральное сражение, решившее исход кампании, состоялось возле г. Тапс (46 г. до н. э.). Сципион вновь поставил своих слонов на правом и левом флангах⁵². Но в произошедшей битве слоны не смогли оказать никакой реальной помощи сторонникам Помпея. Уже в самом начале боя животные, напуганные свистом пращей камней и свинцовых пуль, повернули назад и смяли ряды собственной пехоты⁵³. Помпеянцы были полностью разгромлены, а Цезарь одержал блестящую победу.

Почему римляне отказались в дальнейшем от использования боевых слонов? Не потому ли, что сражение при Тапсе показало крайнюю неэффективность этого вида войск? По мнению

П. Д. Арманди, то, что римляне не использовали слонов против кимвров и Митридата, хотя могли получить от этого большую пользу, является лучшим доказательством того, что они «никогда не испытывали большого доверия к этому роду войск»⁵⁴. Одним из доказательств, подтверждающих в глазах этого исследователя его вывод, является тот факт, что римляне, став повелителями Африки, не пожелали подкрепить свои военные силы боевыми слонами и положили конец «военной эпохе слонов».

Впрочем, есть некоторые обстоятельства, позволяющие усомниться в непогрешимости подобных рассуждений. Если римляне относились с таким пренебрежением к слонам, то почему в каждый мирный договор с противником, использовавшим данный род войск, они вводили статью, содержащую запрет это делать? Данный факт, кстати, отмечает и сам П. Д. Арманди. Римляне запрещали своим побежденным противникам содержать боевых слонов, подобно тому, как они налагали запрет на содержание военных флотов. Такое внимание римлян к боевым слонам должно свидетельствовать не о пренебрежении, а о вполне обоснованном опасении. Слон стал для них самым наглядным символом и зримым воплощением военной мощи их наиболее опасных противников. Истребление слонов, захваченных у неприятеля, на цирковых аренах говорило скорее не о презрении к этим животным, а скорее, наоборот, о том большом значении, которое в глазах народа имели четвероногие гиганты для их врагов. Принося в жертву своей мстительности слонов Пирра или карфагенян, римляне тем самым праздновали победу над самой военной организацией неприятелей.

Сокрушив Карфаген, римляне вдруг увидели, что слоны, их самый страшный и опасный соперник на полях сражений, могут быть теперь использованы к их собственной выгоде. Поэтому, забыв о своем «презрении», они при первой же возможности поспешили обзавестись этим боевым средством. Парадоксальным является тот факт, что римляне использовали боевых слонов на протяжении более длительного периода, чем карфагеняне. Пунийцы обзавелись слонами только после сицилийской кампании Пирра (вторая половина 70-х гг. III в. до н. э.), а последний раз вывели их на поле сражения в 202 г. до н. э. Римляне же впервые использовали слонов в битве при Киноскефалах и могли бы располагать этим боевым средством и далее, если бы не перестали поддерживать дружеские отношения с нумидийскими царями. Наконец, римляне вернулись к использованию боевых слонов в эпоху гражданских войн, и кто знает,

как бы сложилась далее военная история слонов, если бы не меч Брута.

Последним сражением, в котором римляне попытались использовать слонов, как отмечалось выше, была битва при Тапсе (46 г. до н. э.). Нельзя не заметить существенную разницу между этой битвой и описаниями более ранних сражений, в которых принимали участие слоны. В Индии слоны Пора топтали македонскую пехоту, врываясь в ее ряды, в битве при Баграде (256 г. до н. э.) они прорвали римские боевые порядки, а во время восстания наемников взяли штурмом неприятельский лагерь. Единственным сражением, в котором слоны ведут себя так же, как при Тапсе, является сражение при Заме (202 г. до н. э.). По сообщению Полибия, уже в начале сражения звуки труб и рожков испугали некоторых слонов, которые тут же повернули назад⁵⁵. Согласно Ливию, лишь нескольких слонов удалось погнать на врага, остальные же, напуганные шумом, смяли собственный строй⁵⁶. Картина более чем странная. Если слонов можно было напугать звуками труб и рожков, то тогда становится непонятным, почему римляне и другие народы, которым приходилось бороться против этих гигантов, никогда не прибегали к этому простому и эффективному средству. Ответ напрашивается сам собой: в сражении при Заме участвовали животные, не привыкшие к такого рода шумам. Другими словами, последние слоны, на которых возлагали свои надежды карфагеняне, были плохо обучены и не имели никакого боевого опыта. Эти животные были отловлены не ранее 203 г. до н. э. Согласно сообщению Аппиана, когда в Карфагене стало известно, что Сципион уже готовится высадиться в Африке, только тогда они отправили Гасдрубала, сына Гескона, на охоту за слонами⁵⁷.

Данное наблюдение представляется весьма важным: в Карфагене были сделаны стойла для 300 огромных четвероногих, однако к концу войны слонов оставалось только 80, да и те были недавно пойманы. Возможно, возросшие потребности пунийцев в боевых слонах привели к тому, что эти животные исчезли из областей, где обычно происходил их отлов, и карфагеняне испытывали все больше трудностей, пытаясь обеспечить ими свою армию. Если во время Первой Пунической войны карфагеняне могли выставить 60, 100 и даже 140 слонов, то количество этих животных в их армиях, действовавших в период Второй Пунической войны, не превышает четырех десятков. Под конец войны, когда решалась судьба самого Карфагена, пунийцы уже не имели возможности своевременно снабжать свои войска необходимым количеством этих животных: Гасдрубал должен был вторгнуться

в Италию, имея 10 слонов⁵⁸, а его брат Магон получил от правительства всего 7 голов⁵⁹. Сама природа обрекала Карфаген на поражение.

Снова вернемся к сражению при Тапсе. Как передает автор «Африканской войны», слоны нумидийцев были совершенно не подготовлены к участию в боевых действиях. Этот вывод подтверждается сообщением Флора, согласно которому Юба привел своим союзникам животных, которые только недавно были отловлены в лесах, не были приучены к битве и при первых же звуках труб побежали вспять, опрокидывая ряды своих же⁶⁰. Римлянам, которые никогда не занимались дрессировкой слонов, пришлось самим взять на себя эту задачу⁶¹. Понятно, что выведенные на поле боя после кратковременной и неисконной дрессировки слоны могли обратиться вспять уже от свиста пращей. Да и автор «Африканской войны» замечает, что даже после многолетнего обучения и длительного опыта слоны по большей части оставались мало-подслышными⁶².

Таким образом, мы приходим к очень интересному выводу: даже нумидийский царь, по сути дела последний средиземноморский правитель, использовавший в военных целях слонов, не располагал настоящими боевыми слонами и привел к Сципиону, хотя и большое количество животных, но совершенно не обученных. Логично предположить, что вековое искусство дрессировки слонов в этом регионе было утрачено. Какие же причины способствовали этому?

В действительности только одно государство в Западном Средиземноморье имело постоянную потребность в боевых слонах и опытных корнаках. Этим государством был Карфаген, который вел многолетние войны в Африке, Сицилии, Испании и Италии. После окончания Второй Пунической войны и утратой Карфагеном своего политического значения содержать боевых слонов могли позволить себе и нумидийские цари, ставшие союзниками Рима. Но были ли нумидийцы так же искусны в дрессировке слонов, как карфагеняне? Это представляется маловероятным. Хотя слоны в большом количестве обитали на территории Нумидии, сами нумидийцы никогда не занимались дрессировкой или просто отловом слонов. После того как Нумидия оказалась в вассальной зависимости от Карфагена, не могло быть и речи, чтобы пунийцы позволили подчиненному им народу содержать у себя боевых слонов. Даже тогда, когда Нумидия обрела независимость и наследники Масиниссы повернули это страшное боевое средство против самого Карфагена, нумидийцы все равно не могли сравняться в искусстве

дрессировки со своими учителями, поскольку локальные конфликты, в которых участвовали их войска, не могут идти ни в какое сравнение с теми крупномасштабными сражениями, участницей которых была карфагенская армия. В этих битвах совершенствовались искусство карфагенских корнаков, а также выучка самих слонов.

Суммируя все вышесказанное, мы не должны удивляться легкости победы пращников Цезаря над слонами помпеянцев. Ведь гораздо проще научить человека не бояться слона, чем слона научить спокойно переносить пущенные в него камни, стрелы и копья. Цезарю оказалось достаточно показать слонов своим солдатам, чтобы приучить их не пугаться этих страшных четвероногих⁶³. Попытка Сципиона выдрессировать слонов была заранее обречена на неудачу, так же как некогда, под занавес Второй Пунической войны, безуспешными оказались и усилия карфагенян. Но, если последним не хватало для этого лишь времени, то Сципион и его нумидийские союзники не располагали ни достаточным количеством времени, ни необходимыми знаниями и опытом.

Ответ на вопрос, почему римляне отказались от использования боевых слонов, кажется на первый взгляд простым: римляне научились блестяще справляться со слонами и вполне осознали неэффективность и даже опасность использования этих животных. Однако, с другой стороны, не будем забывать, что римляне прибегали к помощи слонов на протяжении целого столетия и отказались от этой практики лишь тогда, когда были побеждены все народы, сохранявшие хотя бы в какой-то степени навыки дрессировки четвероногих гигантов. И это неудивительно, ведь сами римляне обучением боевых слонов никогда не занимались.

Спорным также является и вопрос об эффективности или неэффективности действий слонов на полях сражений. Можно говорить, конечно, что слонам в большинстве случаев не удавалось прорвать строй тяжеловооруженной пехоты. Но ведь участие слонов в войнах не ограничивалось исключительно этой задачей. На наш взгляд, точку в этом вопросе может поставить сама история. Современный исследователь военного дела, особенно времен столь отдаленных, – это теоретик, который лишь в общих чертах и зачастую весьма условно может реконструировать реалии изучаемой эпохи. Можем ли мы, сидя в своих кабинетах, правильно судить о действиях военачальников, за плечами которых десятилетия, отмеченные походами и сражениями? Величайшие полководцы древности – Александр, Эвмен, Пирр, Ганнибал и Цезарь – не отказывались от применения боевых слонов. Какое

еще нужно доказательство? Как тут ни вспомнить о Вегеции, давшем один ответ на множество вопросов, которыми задаются историки: какие отряды против каких поставить – должен решать полководец, ибо «я не знаю, по какой такой причине, можно сказать, почти по божьему соизволению, один вид войска сражается лучше против определенного вида вражеского войска, и те, которые победили более сильных, бывают побеждены более слабыми»⁶⁴.

Битва при Тапсе подвела черту под первым и наиболее ярким периодом военной истории слонов. Отныне римляне использовали этих животных только в качестве участников торжественных процессов или зрелищ, устраивавшихся для развлечения населения столицы. Захватив большое количество слонов в последнем сражении с помпеянами, Цезарь приказал привести их в Рим для того, чтобы они придали больше пышности его триумфу. Чтобы поразить воображение сограждан, Цезарь устроил несколько следовавших одно за другим шествий, каждое из которых должно было символизировать страны, где он одержал победы. Во время празднования триумфа над Африкой народу было показано 40 слонов, построенных в две шеренги. Когда вечером диктатор поднимался на Капитолий, огромные четвероногие шли перед ним, держа в своих хоботах светильники⁶⁵.

Считается, что уже Август стал появляться перед народом на колеснице, запряженной слонами⁶⁶. Гелиогабал показал народу четыре колесницы, каждую из которых везли четыре слона, при этом сам император выступал в качестве возницы⁶⁷.

В ознаменование победы, одержанной над персами, император Диоклетиан удостоился от римского сената особой почести: колесницы, запряженной слонами, в которой он проехал по Риму во время триумфального шествия, посвященного празднованию 20-летия его правления⁶⁸. Если верить тому, что сообщается в *Historia Augusta*, прежде подобной почести удостоился Александр Север, а также Гордиан III, после того как весть о его первых победах достигла Рима⁶⁹. Однако сообщение биографа Александра вызывает вполне обоснованные сомнения в своей подлинности, а Гордиан так и не вернулся в Рим из персидского похода. Так что вполне вероятно, что Диоклетиан, страсть которого к внешним эффектам хорошо известна, первым проехался по Риму в триумфальной колеснице, которую везли слоны.

Среди театрализованных представлений, в которых приняли участие четвероногие гиганты, наиболее удивительным было то, которое устроил Германик. Во время этого зрелища слоны

исполняли военный танец с оружием, а также шутовскую пантомиму, когда четверо животных несли носилки, на которых лежала слониха, изображавшая роженицу, только что разрешившуюся от бремени⁷⁰. Однако самым впечатляющим номером, который могли видеть римляне, были, конечно же, слоны-канатоходцы, взбравшиеся по тросам, натянутым от основания арены к ее вершине, и тем же путем спускавшиеся обратно. Подобное представление было впервые дано Германиком⁷¹, а затем Нероном⁷² и Гальбой⁷³.

Многие императоры показывали народу бои слонов с людьми или другими животными. Уже Цезарь устроил на цирковой арене два сражения, в первом из которых 20 слонов бились против 500 человек пехоты, во втором такое же количество слонов боролось против 500 пехотинцев и равного количества всадников⁷⁴. Домициан заставил слонов драться с быками⁷⁵, а Гелиогабал устроил бои слонов с тиграми⁷⁶.

Несомненно, что и другие императоры показывали народу зрелища, в которых принимали участие слоны, доказательством чего могут служить изображения этого животного на монетах Тита, Домициана, Траяна, Адриана, Антонина Пия, Септимия Севера и Каракаллы. Изображение слона нередко присутствует на серебряных антонинианах Филиппа Араба, что является достаточно весомым свидетельством в пользу того, что слоны стали участниками секулярных игр, посвященных тысячелетию Рима.

Источники сохранили сведения о том, что римляне предприняли несколько попыток вернуть слонов на поля сражений. Впрочем, эти усилия не увенчались успехом, поскольку древнее искусство дрессировки боевых слонов было к тому времени окончательно забыто. Выше уже отмечалось, что император Клавдий намеревался использовать четвероногих гигантов во время похода в Британию⁷⁷. Дидий Юлиан в страхе перед наступающей армией Септимия Севера также хотел усилить свои войска боевыми слонами. Для этого он приказал собрать всех животных, которые служили римлянам для праздничных процессов, и приучить их носить на спинах башни и людей. Однако осуществить этот замысел так и не удалось, поскольку слоны отказывались повиноваться⁷⁸. Каракалла, страстный почитатель Александра Великого, создал некое подобие фаланги и обзавелся отрядами слонов, считая, что таким образом он больше походит на македонского завоевателя⁷⁹. Впрочем, у нас нет никаких свидетельств того, что слоны Каракаллы каким-либо образом принимали участие в военных действиях. По всей видимости, им была отведена роль почетного

эскорта, сопровождавшего взбалмошного императора.

Однако пройдет всего несколько лет после смерти Каракаллы, и на Востоке взойдет звезда Сасанидов. Тогда слоны вновь появятся на полях сражений, и римлянам придется превратиться из праздных зрителей в непосредственных участников кровавых боев против этих могучих гигантов.

Примечания

¹ C. Plinii Secundi. *Naturalis Historiae libri XXXVII*. Vol. 1–4 / rec. et ed. C. Mayhoff. Lipsiae, 1892–1909. VIII, 6.

² Eutropius. *Breviarium ab Urbe Condita, cum versionibus graecis, et Pauli Landolfique additamentis* / rec. et adnot. H. Droysen. MGH, LXII. München, 1978; Евтропий. Бревиарий от основания города / пер. Д. В. Кареева, Л. А. Самуткиной; отв. ред. И. В. Кривушин. СПб., 2001. II, 14.

³ Iulii Frontini *Strategematon libri quattuor edidit* Gottholdus Gundermann. Lipsiae, 1888; Секст Юлий Фронтин. Военные хитрости (стратегемы). СПб., 1996. I, 7, 1.

⁴ Plinius Secundus. Op. cit. VI, 16. По мнению Ф. Уолбанка, прежде чем перебить слонов на арене, Метелл ввел какое-то их количество в свое войско. После этого изображение слона стало гербом рода Метеллов (Walbank F. W. *A historical commentary on Polybius*. Oxford, 1957. Vol. 1. P. 103).

⁵ *Titii Livii ab urbe condita libri* / ed. W. Weissenborn, M. Müller. T. 2–3, Lipsiae, 1905–1906; Тит Ливий. История Рима от основания города: в 3 т. М., 1989–1993. XXXII, 27, 2.

⁶ Titius Livius. Op. cit. XXXIII, 8, 3.

⁷ Ibid. XXXIII, 9, 6.

⁸ Ibid. XXXIII, 30, 10.

⁹ Ibid. XXXVI, 4, 8.

¹⁰ Titius Livius. Op. cit. XXXVII, 39, 13. Карфагеняне и нумидийцы использовали в военных целях только так называемых лесных слонов (*Loxodonta Africana cyclotis*). Самцы данного вида достигают в среднем высоты ок. 2–2,5 м, тогда как высота в холке индийского слона (*Elephas maximus, indicus*) составляет 2–3,5 м (Walbank F. W. *A Historical Commentary*. P. 164; Head D. *Armies of the Macedonian and Punic Wars (359 BC to 146 BC)*. Goring-by-Sea, 1982. P. 186; Saint-Girons, P., *Preferre P. Les éléphants*. Paris, 1993. P. 44–45, 49). Лесной слон был некогда весьма распространен в Северной Африке. Уже Геродот сообщает, что на территории, простиравшейся к западу от реки Тритона, во множестве водились различные виды животных, в том числе и слоны (*Herodoti Historiarum libri IX*. Vol. 1–2 / ed. H. R. Dietsch. *Editio altera*. Curavit H. Kallenberg. Lipsiae, 1885–1887; Геродот. История: в 9 кн. 2-е изд. / пер. Г. А. Стратановского. М., 1993. IV, 191). Сегодня этот подвид обитает лишь в экваториальной части Африканского континента (Sukumar R. *The Living Elephants: Evolutionary, Ecology, Behavior and Conservation*. Oxford, 2003. P. 54; Saint-Girons P., *Preferre P. Les éléphants*. P. 45).

¹¹ Titius Livius. Op. cit. XLII, 62, 2.

¹² *Polyaeni strategematon libri octo ex recensione E. Woelfflin; Iterum Recensuit I. Melber*. Lipsiae, 1887; Полиэн. Стратегемы / под ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002. IV, 21.

¹³ Polyaeus. Op. cit. IV, 21; под ред. М. М. Холода.

¹⁴ Titius Livius. Op. cit. XLIV, 41, 6. Описание того, как выглядели слоноборцы, дает нам Вегеций: «Другие выслали против слонов одетых в брони воинов, притом так, что у них на руках, шлемах и на плечах были приделаны огромные железные острия, чтобы слон не смог схватить своим хоботом бойца, идущего на него» (*Vegetius Flavius Renuatus. Epitoma rei militaris* / rec. C. Lang. Lipsiae, 1885; Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела / пер. С. П. Кондратьева. СПб., 1996. III, 24).

¹⁵ Titius Livius. Op. cit. XLIV, 5, 1–7. Пер. О. Л. Левинской.

¹⁶ Ibid. XLIV, 41, 3–4.

¹⁷ Ibid. XLIV, 42, 6. «В любом случае, любопытно отметить, что те самые животные, которых Александр первым привел с отдаленных восточных берегов, были если не инструментом, то по крайней мере свидетелями разрушения его царства» (Armandi P. D. *Histoire militaire des éléphants, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'introduction des armes à feu* / Adamant Media Corporation. Paris, 2007. P. 230).

¹⁸ *Appiani Historia Romana*. Vol. 1–2 / ed. P. Viereck et A. G. Roos; editio stereotypa correctior addenda et corrigenda adiecit E. Gabba. Lipsiae, 1962; Аппиан. Римская история / пер. С. П. Кондратьева // Римские войны. СПб., 1994. Iberica, 46.

¹⁹ Appianus. *Libica*. 71, 72.

²⁰ Appianus. *Iberica*. 46. Пер. С. П. Кондратьева.

²¹ Ibid. 57, 89.

²² Valerius Maximus. *Memorable Doings and Sayings*. Vol. 1–2 / ed. and transl. by D. R. Shackleton Bailey. Cambridge (Massachusetts); London, 2000. IX, 3, 7.

²³ Appianus. *Iberica*. 126.

²⁴ Appianus. *Libica*. 126.

²⁵ *Florus Iulius. Epitoma de Tito Livio bellorum omnium annorum DCC libri duo* / ed. C. Halm. Lipsiae, 1854; Анней Флор. Две книги римских войн / пер. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой // *Малые римские историки*. М., 1996. I, 33, 7; Orosius Paulus. *Historiae adversum paganos libri VII* / rec. C. Zangemeister. Lipsiae, 1891; Павел Орозий. История против язычников. Кн. 1–7 / пер. В. М. Тюленева. СПб., 2001–2003. V, 13, 2.

²⁶ Немировский А. И. *Комментарии // Малые римские историки*. М., 1996. С. 347, примеч. 200.

²⁷ Titius Livius. Op. cit. *Periocha*, 61.

²⁸ Консул 122 г.

²⁹ Orosius Paulus. Op. cit. V, 13, 2.

³⁰ Strabo. *Geography*. Vol. 1–8 / with an engl. transl. by H. L. Jones. Cambridge (Mass.); London, 1944–1961; Страбон. География: в 17 кн. / пер. Г. А. Стратановского. 2-е изд. М., 1994. IV, 2, 3.

³¹ Suetonius Tranquillus, Gaius. *Vies des douze Caesars / texte établi et trad. par H. Aliloud*. En 3 t. Paris, 1989–1993; Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей / пер. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1990. Nero, II.

³² Orosius Paulus. V, 14, 3.

- ³³ Titus Livius. Op. cit. Periocha, 61.
- ³⁴ Armandi P. D. Op. cit. P. 234.
- ³⁵ Iulius Florus. Op. cit. I, 37, 5.
- ³⁶ Polyaeus. Op. cit. VIII, 23, 5. Пер. А. Б. Егорова.
- ³⁷ Armandi P. D. Op. cit. P. 337.
- ³⁸ Cicero Marcus Tullius. Scripta quae manserunt omnia. Vol. 1–10 / ed. C. F. W. Muller. Lipsiae, 1880–1891; Марк Туллий Цицерон. Речи: в 2 т. / изд. подгот. В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1993. *Philippicae*, V, 17.
- ³⁹ Armandi P. D. Op. cit. P. 379.
- ⁴⁰ Dio Cassius. *Historia* / ed. E. Cary. Cambridge, 1960–1961. IX, 4.
- ⁴¹ Ibid. P. 337, n. 1.
- ⁴² Ibid. P. 220, n. 1.
- ⁴³ Впрочем, существует и другое толкование данного изображения. М. Дейе полагает, что горизонтальная линия под ногами слона представляет море, из которого поднимается голова морского чудовища (Dayet M. *Carnet de numismatique celtique VII. Le denier de César au type de l'éléphant* // *Revue Archéologique de l'Est*. 1960. № 11. P. 42–47).
- ⁴⁴ Vegetius. Op. cit. III, 24.
- ⁴⁵ Sallustius Gaius Crispus. *Bellum Jugurthinum* // *Collection des Université de France publiée sous le patronage de l'Association Guillome Budé: Salluste. Catilina, Iugurtha, Fragments des Histoires / texte établi. et trad. Par A. Ernout. Paris, 1971; Гай Саллустий Крисп. Сочинения / пер. В. О. Горенштейна. М. 1981; Bellum Iugurthinum*. 29, 6.
- ⁴⁶ Ibid. 53, 4.
- ⁴⁷ Ibid. 62, 5–6.
- ⁴⁸ Plinius Secundus. Op. cit. VIII, 4.
- ⁴⁹ Caesar Gaius Julius. *De bello civili*. Paris, 1967; Записки Юлия Цезаря и его продолжателей / пер. М. М. Покровского. М., 1993. [G. Julius Caesar]. *De bello Africano*, 19.
- ⁵⁰ Ibid. 59.
- ⁵¹ Ibid. 61.
- ⁵² Ibid. 81.
- ⁵³ Ibid. 83.
- ⁵⁴ Armandi P. D. Op. cit. P. 235.
- ⁵⁵ Polybii Historiae / ed. a L. Dindorfio curatam retr. Th. Buettner-Wobst. Stutgardiae, 1962; Полибий. Всеобщая история: в 3 т. / пер. Ф. Г. Мищенко. 2-е изд. СПб., 1994–1995. XV, 12, 1–2.
- ⁵⁶ Titus Livius. Op. cit. XXX, 33, 13–14. Аппиан рисует нам совершенно иную картину боя, но его описание не кажется достоверным (Appianus. *Libica*. 41–43).
- ⁵⁷ Appianus. *Libica*. II, 9.
- ⁵⁸ Polybius. Op. cit. XI, 1, 1.
- ⁵⁹ Titus Livius. Op. cit. XXIX, 4, 6.
- ⁶⁰ Ibid. XXIX, 4, 6.
- ⁶¹ Вот как описывает автор «Африканской войны» процесс дрессировки слонов, к которому были вынуждены прибегнуть римляне: «Тем временем Сципион начал следующим образом дрессировку слонов. Он построил две боевые линии: одна, составленная из пращников, должна была представлять собой противника и пускать слонам в лоб мелкие камешки; против нее стояли выстроенные в ряд слоны; а за ними была собственно боевая линия, которая должна была обстреливать слонов камнями и гнать их назад на неприятеля тогда, когда противник начнет бросать в них камни и они от страха повернут на своих» ([Caesar G. Julius]. *De bello Africano*. 27. Пер. М. М. Покровского).
- ⁶² Ibid. 27.
- ⁶³ Цезарь отлично понимал важность психологического фактора в борьбе со слонами, и, зная, что помпеянцы, укрепившиеся в Африке, намерены противопоставить ему большое количество этих животных, он решил заблаговременно подготовить своих солдат к встрече с опасным противником. «Он приказал переправить из Италии слонов, чтобы солдаты познакомились с внешним видом и особенностями этого животного и знали, в какую часть его тела можно легко попасть копьём и какая даже тогда остается неприкрытой, когда слон снаряжен в броню, так, чтобы можно было направлять в нее копьё. Кроме того, надо было приучить лошадей к запаху, реву и внешнему виду этих зверей так, чтобы они перестали их бояться. Этим он много выиграл: его солдаты трогали этих животных руками и убеждались в их медлительности, всадники пускали в них копьё с притупленными концами, лошади тоже привыкли к зверям благодаря их терпимости» (Ibid. 72. Пер. М. М. Покровского).
- ⁶⁴ Vegetius. Op. cit. III, 16. Пер. С. П. Кондратьева.
- ⁶⁵ Suetonius. *Caesar*, 37.
- ⁶⁶ Armandi P. D. Op. cit. P. 386.
- ⁶⁷ *Scriptores Historiae Augustae / rec. H. Peter. Lipsiae, 1884; Властелины Рима: биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / пер. С. П. Кондратьева; под ред. А. И. Доватура. М., 1992. Heliogabalus*, 23, 1.
- ⁶⁸ Armandi P. D. Op. cit. P. 396, n. 3.
- ⁶⁹ *Scriptores Historiae Augustae. Gordianus*. 27, 9.
- ⁷⁰ Plinius Secundus. Op. cit. VIII, 2.
- ⁷¹ Ibid. VIII, 2, 3.
- ⁷² Suetonius. *Nero*. 11.
- ⁷³ Ibid. *Galba*. 6.
- ⁷⁴ Ibid. *Caes*. 39.
- ⁷⁵ *Martialis M. Valerii. Epigrammaton Libri / recogn. W. Heraeus: ed. corr. curavit I. Borovskij. Lipsiae, 1976; Марциал М. Валерий. Эпиграммы / пер. Ф. А. Петровского. СПб., 1994. 17; 19.*
- ⁷⁶ *Joannis Xiphilini archiepiscopi sr., Symeonis junionis, Opera omnia. Parisiis, 1864. LXXIX*, 9.
- ⁷⁷ Dio Cassius. IX, 4.
- ⁷⁸ *Xiphilinus. LXXIII*, 16; Herodianus. *Ab excessu divi Marci libri octo / ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1883; Геродиан. История императорской власти после Марка: в 8 кн. / под ред. А. И. Доватура. СПб.: Алетей, 1995. II, 11, 9.*
- ⁷⁹ Xiphilinus. LXXVII, 7.